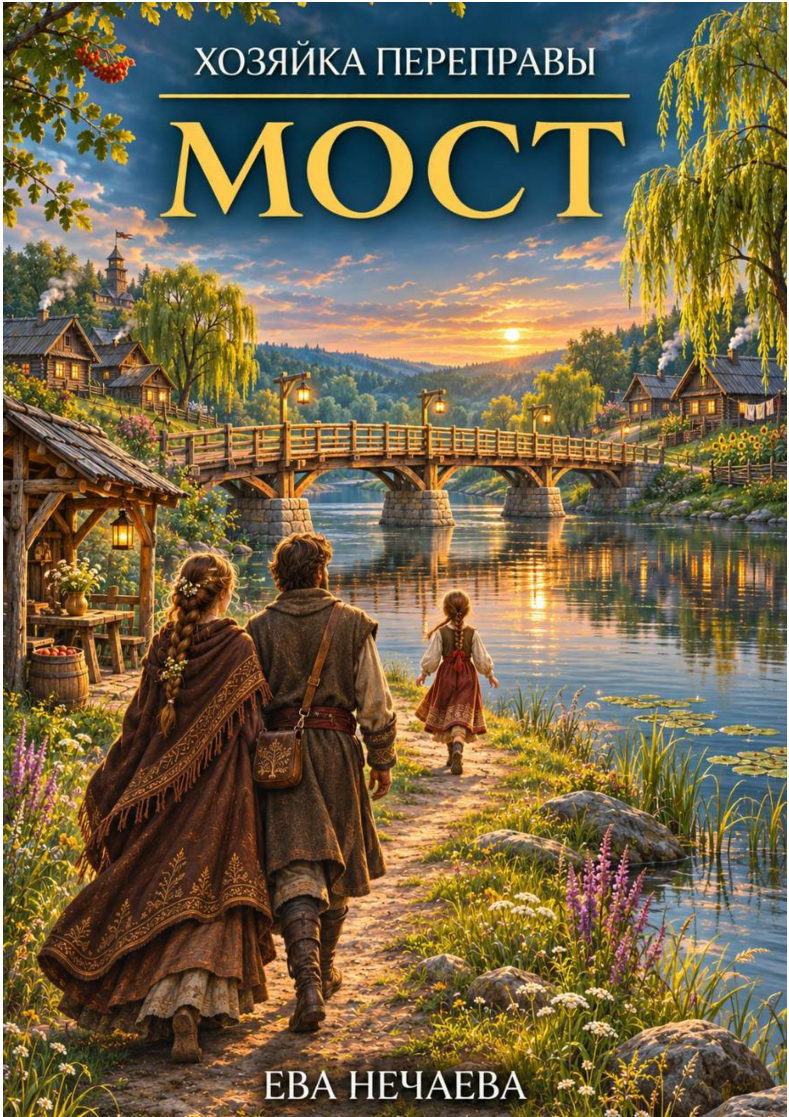

ХОЗЯЙКА ПЕРЕПРАВЫ
МОСТ
ЕВА НЕЧАЕВА

Ева Нечаева

Хозяйка переправы. Мост

https://litres.ru/74816242
SelfPub; 2026

Аннотация

После половодья оба берега Ольхи готовы строить мост. По первому чертежу дорога пройдёт через двор Анны и Варьки, а старый паром разберут на доски. Землемер уже внёс их в смету. Из этих досок Варька всё ещё слышит голос матери.

Анна ищет обход, спорит за чужие дворы и договаривается с Ирмой о том, что будет с паромом. Ян хочет остаться с Анной, но ей ещё предстоит решить, где теперь её дом. А прежде чем по мосту пройдёт первый воз, она должна вывести паром в последний рейс и назвать обоим берегам своё настоящее имя.

Заключительный том «Хозяйки переправы».

Содержание

Глава 1. Годный лес 4
Глава 2. После хлеба 10
Глава 3. Один хороший гвоздь 15
Глава 4. Сколько стоит прямое 20
Глава 5. Из какого места 25
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Хозяйка переправы. Мост

Глава 1. Годный лес

Летний мост впервые понадобился нам, чтобы не везти через реку покойника.

Его звали Лаврентием, и за сорок лет на левом берегу он не выучился отличать подгорских рыбаков друг от друга. Звал их одинаково: «родня». Родня привезла его жену в пятницу, а в субботу, пока мы чинили привальный брус, опоздала за ним самим. Вдова попросила лодку, чтобы забрать мужа в Подгорье и похоронить рядом с её старшими. На левом спуске лодка села на камни. Пока двое мужчин стаскивали её на глубину, вода плеснула Лаврентию в лицо. Вдова увидела и велела грести назад. Она немного проплакала на камне, вытерла Лаврентию лицо своим платком и больше никому не дала к нему прикоснуться.

Мы встретили её на правом спуске. Утром мне хотелось спросить, не отложить ли могилу до вечера, чтобы оставить людям спуск. Теперь я пошла сама туда, где копали.

— Давайте сюда, — сказала она, когда я попыталась снять её сумку с плеча. — В ней хлеб.

Больше вдова ничего не попросила. Я отнесла хлеб в дом и вернулась считать рейсы для тех, кто остался. В книгу Луки попало всё: два человека у левой лестницы, трое на лод-

ке, шестеро у могилы. Сколько человек заново пришлось собрать, когда одна лодка села на камни, отдельно никто не записал.

Землемер дождался, пока уйдут последние, и снял со своей мерной ленты мокрый лист подорожника.

— Хотели посмотреть на камень при малой воде, — напомнила я.

— Посмотрел. Два. Второй ниже. По нему и пойдём.

Он раскатал новый чертёж возле ворота. На прошлой неделе линия заканчивалась у берега. Теперь шла дальше, до самой дороги, и под ней стояло малозаметное «строений одно». Я наклонилась. Двор не был подписан, только очертания, словно там водилась одна коза и стояла безымянная печка. По изгибу яблоневого ряда я узнала место.

— Мы здесь обговаривали подходы, — сказала я.

— Здесь и есть подход.

Он подвинул чертёж и повёл по нему кривым пальцем. Слева вода заливала мягкий спуск, справа дорога выходила на сухое. Короткий путь пересекал один огород и два сарая. Я спросила, отчего в смете одно строение. Землемер почистил ногтем край бумаги, счистил прилипшую крупинку песка.

— Сарай на заднем дворе не стоит переносить. Годится на дрова.

Задний двор был наш. Я постояла над чертежом, считая, сколько досок мы с Яном меняли в сарае к лету. Попросила

землемера не сворачивать бумагу. Он пошёл обедать к Глафире, оставив меня при ленте и горшке со счетами. С полки у окна я достала вчерашний лист, где отложили старый паром до отдельного решения. Там, куда землемер вписал бы цену его дерева, оставалось пусто. На новой бумаге она тоже отсутствовала. Внизу, где сыпался песок с его пальцев, стояла другая экономия. Вот это «строений одно».

Ян пришёл со стороны трактира. Нёс моток тонкой верёвки и чистые тряпки. Сначала, как всегда, спросил о лодке. Теперь за ним ни с какого берега не было обязанности спрашивать, исправны ли мои снасти. Если он этого не делал, я волновалась, не случилось ли чего.

Я подложила под чертёж полотенце, чтобы он мог на него опереться.

— Где сейчас остановились? — спросил Ян.

— Вот коза, вот дом.

— Коза просила показать?

Я прижала ладонью чертёж. Досталось краю бумаги и заодно его перчатке.

— Дом отмечен к переносу. Огород весь под дорогой.

Ян посмотрел внимательнее. Пальцы из-под моей ладони убрал только после этого.

— Обошли бы ниже, — сказал он.

— Там надо выкупать сухое место. Наш двор в казённой книге всё ещё числится при переправе. Удобнее записать, что переносить некому.

Я разыскала Луку возле могилы. Он собирал лопаты, которые обещал вернуть по дворам. Я подала ему свою, а чертёж развернула на крышке ящика с мелом. Писарь перечитал обозначение, снял очки, протёр одним концом полотенца. Другой конец намок, когда туда поставили лопату.

— Что мы здесь обозначаем? — спросила я. — Дом или сарай?

— Дом. Сарай поздней постройки.

Так говорили о дощатом крыльце, которое мы с Ефимом пристроили к зиме: никто с него ещё не успел упасть, и человеку, у которого есть чертёж, его можно было не показывать. Сарай поставили до рождения Варьки. На обвязке Ян нашёл два зимних заруба, когда снимал доски, чтобы выгнать мышей. До сих пор я представляла, как Григорий каждую осень мерял, далеко ли успела подняться вода. Лука нашёл в книге, что зарубы ставили ещё до того, как Григорий соседнюю печь купил.

— А кому тогда принадлежит сам дом?

— Его ставили как дом для содержания переправы. Пока считалось, что Ирма живёт в нём по старому праву, никого это не тревожило.

— Сейчас я в нём по новому праву. И Варька там.

— Вот что именно ей принадлежит, раз вы оба берега спрашивать собрались, пусть оба берега и скажут.

За эти слова я сначала рассердилась на Луку. Потом сообразила, что человек, которого будут спрашивать в послед-

нюю очередь, дома ещё разводит тесто. Луке я велела поискать прежний лист, где выбирали распорядителя. Лопату забрала обратно. У пустого дома Лаврентия вдова с сыном делили, кому отнести лавку, которая им в новом хозяйстве не пригодится. Там было всего две лавки. Я отнесла свою лопату к их крыльцу и помогла сыну поднять ту, что уже отмыли.

В сарае у старой стены лежала его запасная одежда. Дома у печи третий месяц просыхала новая полка, поставленная в расчёте на двоих взрослых и ребёнка. Ян клеил её двумя досками, чтобы она выдержала даже чугунок Глафиры. Тогда у меня хватило духу попросить, чтобы он переехал, только потому, что по весне дом могли отнять и уже нечего было ждать. Дома вовсе не отняли. Я всё равно несколько раз подумывала, что выдвинула полку слишком далеко.

— Покажем Варьке? — спросил он.

— Надо сперва понять, можно ли отклонить.

— Ей, по-вашему, будет лучше увидеть два решения или одно готовое?

Я сложила чертёж так, что линия спряталась внутри, взяла его и поднялась с колена. Доски возле ворота прогрелись напротив солнца, а в тени я ещё могла держать руку на мокром брусе. Мне хотелось сперва пойти туда, к брусу, и посоветоваться с той, что жила в доме дольше моего. Я уже знала, как это будет выглядеть для Варьки. Двое взрослых сперва договорятся сами, а потом разбудят её и велят собирать ложки.

Мы пошли домой.

Варька сидела на нижней ступени и стряхивала муку с фартука. Она сама поставила тесто, чего не делала даже при Ирме, потому что до стола тогда доставала еле-еле. На вопрос, есть ли у неё минута, сначала ответила: «Две». Потом увидела бумагу и сняла с колен тестяную миску.

Я показала ей, где дом и куда землемер хочет повести телеги. Она посмотрела на меня и попросила карандаш. Двигала его медленно, ладонь испачкалась в муке и оставляла на бумаге белую дорожку. Когда закончила, постучала карандашом возле дома.

«А ОНА ЗНАЕТ?»

Ответить «нет» было легко. Труднее — самой пойти к Ирме с этим чертежом. Там ведь нельзя было даже быть уверенной, что Ирма нас услышит.

— Нет. Хочу спросить сама.

Варька подтянула миску. Тесто в ней ещё не успело подняться. Она подождала, пока я возьму карандаш, потом сказала:

— После хлеба.

У меня дома в Дзержинске мать в такую минуту убрала бы миску в холодильник и решила все дела разом. Я даже повернулась к двери прежде, чем вспомнила, что холодильника у нас нет. Варька уже несла миску к печке. Я разложила чертёж на краю стола, придавила его нашей чугунной сковородой, и мы с Яном остались ждать, пока поднимется хлеб.

Глава 2. После хлеба

Хлеб пришлось печь у Глафиры. Дома отсырел нижний ряд кирпичей, и в печи двадцать минут держался только огонь на бумаге. Я подсунула сухую лучину, Варька молча убрала её щипцами. Сама закрыла поддувало и отнесла тесто через улицу. Я взяла за ней лопату и кочергу. Кочерга у Глафиры была своя, и пришлось всю дорогу делать вид, что я несла её по другому делу.

Глафира вымела золу к краю и велела поставить нашу лепёшку рядом с её пирогами. При этом ухитрилась заглянуть под полотенце, в которое я спрятала чертёж.

— Вас там сколько насчитали? — спросила она.

— Одно строение.

— Говорят, моего амбара не считают вовсе. Это ты попросила?

На её заднем дворе хранились кадки, пустые с осени, и стояла крыша на шести столбах. Под крышей до сих пор сушили вещи после половодья. На коротком пути между домом и мостом свой товар мимо неё везли бы все. Я достала бумагу. Линия шла по середине её двора, обрывалась перед нашим домом и продолжалась на другом листе.

— Мне сказали про два сарая. Второй, выходит, твой.

— А хлеб у меня свой. Когда его будут переносить, уж я скажу, куда.

Это последнее она сказала в печь. Варька следила, как поднимается край лепёшки, и в разговор не вмешивалась. Мне всё казалось, надо дать ей поручение. Что-нибудь, с чем она могла бы уйти на три минуты и не слышать, как мы с Глафирой считаем постройки.

Первой к печи подошла женщина с ребёнком. Лепёшку узнала и спросила, кто за ней придёт с левого берега. Глафира отрезала ей кусок своего хлеба, а чертёж перевернула белой стороной вверх. Что бы мы ни успели решить по поводу моста, туда пока ходили в лодке и конец верёвки подавали теми же руками.

Наш хлеб Варька завернула в полотенце и отнесла к старому сходу. У сломанного поручня она остановилась. Мы условились, что, если Ирма услышит нас обеих, Варька сама задаст первый вопрос. Я подождала, пока она обойдёт мокрое место, взялась за рым и только тогда шагнула на дерево.

Сначала ничего не отозвалось. Из-под днища вышла жёлтая от тины щепка. Я подцепила её ногтем и сбросила на берег. Варька положила хлеб возле ворота. Шарф на ней промок от того, что она несла горячее под подбородком. Мне хотелось его поправить, но она уже успела снять его сама и сесть.

— Мост, — сказала Варька.

Она выговорила слово легко. Я поняла, что репетировала, пока несла хлеб. Второе слово она не произнесла, придвинула ко мне дощечку. Написала ещё дома: «ПАРОМ НА ДОС-

КИ».

Я спросила, слышит ли нас Ирма. У меня уже не было того чувства, какое бывало весной, когда молчание можно было принять за ответ. Свой разговор она могла начать когда захочет. Пришлось просто рассказать про чертёж, про мост и про строку, оставленную без цены.

— Мы дали посчитать подход, — сказала я. — Разбирать пока не разрешили. Когда дойдёт до решения, хочу знать, чего вы хотите.

Ветер пришёл с воды, поднял у хлеба угол полотенца. Показалась трещина, где Варька надрезала верх ножом. Я придержала угол, чтобы мука не сыпалась ей на колено. Она уже собиралась забрать хлеб и уйти. В этот миг с досок дошло два слова:

— Кто останется?

Варька подняла взгляд. Я увидела, как она разом успокоилась и перестала шевелить ногой. Ей было всё равно, что спросит Ирма дальше, теперь она могла дождаться каждого слова.

— Останется где? — спросила я.

С воды пришло только лёгкое потрескивание мокрых обрезков, которые Ефим оставил на берегу. На мой второй вопрос Ирма не ответила. Варька слезла, завернула хлеб плотнее. По дороге я пыталась вспомнить, о чём мы успели рассказать. О доме не говорили. На дощечке, которую видела Варька, был только паром.

— Ей про дом тоже нужно сказать, — сказала я.

Варька посмотрела в ту сторону, где над крышами спускался дым от Глафириной печи.

— Не сегодня.

Сверху позвала вдова Лаврентия. Она спускалась медленно, держа локтем короб. Крышка у короба была насквозь выбелена солнцем. Варька остановилась, посмотрела на короб и повернулась назад.

— Не к вам пока, — сказала она. — Мне лодку надо. В доме печь не трогать велела. Хочу при них посмотреть, сколько из печи годного вынут.

После смерти мужа ей предстояло перебраться на наш берег, а печь сын собирался разобрать. Одна сестра звала её к себе на три недели. Другой никто ещё не спросил. Она могла ночевать в старом доме, до воскресенья в нём оставались постель и замок. В руках у неё была коробка с лекарствами, которые после мужа у неё остались. Их она сперва хотела отдать. Кому именно, тоже ещё не решила.

Варька отнесла короб вниз. Пока я искала лодочника, вдова села на край сходни. На доске рядом с полотенцем лежала её ладонь. Она спросила, осталась ли у нас Ирмина ступка.

— В доме стоит, на полке.

— Ирма собиралась себе её оставить. Брала у меня ягоды толочь и всё обещала вернуть, как найду себе новую. После половодья ни ступки, ни полки, думала. Сказала бы раньше, коли знала.

Мне хотелось сейчас же идти домой, достать ступку, вернуть её и сказать, что теперь счёты закрыты. Варька следила за краем короба, с которого на настил капало. Она подложила полотенце под наружный угол, чтобы не намочить доски. Я сказала вдове, что ступку можно забрать в любое время, только сперва пусть предупредит: Варька растирает в ней соль, надо ополоснуть. И поймала себя на том, что говорю о привычках Ирмы так, будто видела их своими глазами.

Вдова забрала короб и перебралась в лодку. У сына на левом берегу была запасная ступка. Если она в новом доме решит, что ей нужна эта, придёт и скажет. Варька стояла, пока лодка не отвалила. По дороге домой ни о ступке, ни об Ирме первая не заговорила. Я подумала, что это наша удача, и только через улицу сообразила, чья именно.

Она отнесла хлеб домой и разрезала первую лепёшку сама. Распластала ножом верхушку, оставила половину накрытой до прихода Яна. Другую половину разделила так, что я сначала не поняла, где мой кусок. Потом сообразила: все одинаковые. На столе стояло три кружки. Когда Ян пришёл, я пододвинула ему одну. Ирма могла спрашивать про нас. Могла — про человека у ворота. Я не стала рассказывать ему, что уже дважды мысленно ответила ей за обоих.

Глава 3. Один хороший гвоздь

Поутру Ефим выложил на стол у воды подряд шесть гвоздей. Пять были серые, с выеденными шляпками. Шестой, чёрный, с квадратной ножкой, стоял вертикально, если положить его на шляпку.

— Этот держался один, — сказал Ефим. — Все прочие ему мешали.

Он принёс подкладку, на которую крепился ворот. Четыре угла у неё посинели от сырости, и на каждом просвечивал край старой дырки. Подкладка шаталась, оттого всякий раз, когда мы тянули канат, ручка ворота проходила лишнюю четверть оборота, прежде чем выбирала слабину.

Весной у нас на исправление хода уходила половина утра. Летом стало хуже, потому что дерево просохло, уселось и разошлось по старым местам. Ефим иногда пропускал две лодки подряд, лишь бы не браться за ворот. Это уже замечали люди. Показать им разболтанный ворот было легче, чем объяснить, почему мы считаем всё до одного гвоздя, а в смете то же дерево пойдёт по цене сухой осины.

Подошёл землемер. Я отдала ему лист, который мы с вечера прикрыли сковородой. На рисунке осталось круглое белёсое место. Варька нарисовала там запасную дорогу. От будущей кромки моста та сходила к реке, огибала яблони и возвращалась выше нашего дома.

— Так обходят бидон на кухне, — сказал он. — Телега вашей дочери с этой кривой не свернёт.

При слове «дочери» я сунула ему лист. Хотелось, чтобы он не увидел моего лица. Он, кажется, ничего и не заметил. Достал карандаш и отметил, где телеге пришлось бы заходить на два двора. Один был наш. Другой новый, недавно отстроенный после воды.

— Возьмите телегу, — сказала я. — Покажите, где именно.

Он посмотрел на свою одежду. Лента висела у него на чистой жилетке. Ефим принёс пустую козью тележку и поставил на её сторону нашу тяжёлую железную плиту. С одного конца плита упиралась в ось. С другого её держал один хороший гвоздь, который мы выбили поутру.

По Варькиному обходу пройти получилось до старой яблони. Там колесо полезло в огород, второе приподнялось. Ефим подхватил плиту. Гвоздь вогнулся и не выпустил железо. Я велела всем отойти. Дальше мы катили тележку вручную, не срезая в огород, и в яму возле поворота под конец сползла я сама. Вытащила ногу, села на траву и наконец рассмотрела, почему землемеру так нравилась его прямая. Он рассчитывал проезд полной телеги, я — пустой. Варька защищала место, где жила. И именно его мы не умели нанести на чертёж.

— Обход нужен выше, — сказала я. — И подвести дорогу там, где она сумеет повернуть раньше яблони.

Мы ещё стояли у колеса, когда приехала настоящая телега. Рыбак Федька вёз две большие кадки, и пустой у него была только одна. Он спросил, не занята ли дорога, увидел, что мы держим Ефимову тележку обеими руками, и предложил объехать через огород. Варька показала ему место, где колесо полезло вверх. Федька переставил пустую кадку на наружный край, попробовал, убедился, что это не помогает, и сдал обратно. Одна рыба из полной кадки выскочила на песок. Я подобрала её, она у меня даже не успела отодрать чешую, и Федька поставил перед Варькой свой деревянный ковш, чтобы та зачерпнула воды. Пока она бежала, он пожаловался, что дорогу прокладывают так, чтобы отнять у него заметную часть улова.

— У вас дорога пока старой тропой, — ответила я. — По ней и ездите.

— Когда мост будет, по старой возьмёте меньше?

Он имел в виду лодку. Федька вёз рыбу именно к нам, потому что лодочник на правом берегу брал с кадки половину того, что на левом. Зато ему приходилось потом везти пустые кадки назад. С мостом это всё уйдёт. Будет другая цена, сможет сам отвезти, а лодочнику оставит всего ничего.

Я знала ответ, если спрашивать на пристани. Кто возит, у того и спросить. А мы в это время рассчитали поворот по пустой телеге и решили, что она просто однажды поедет в другую сторону. Пришлось попросить Федьку привести тех, кто до сих пор свозил его кадки. Раз уж хотим знать, сколь-

ко он заплатит за новую дорогу, надо назвать и того, кто с прежней зарабатывает.

Федька поднял лицо. У него между бровей засела песчинка.

— Я одного знаю.

— Позовите одного. Сперва с одного и начнём.

Землемер взял ленту. Ефим поднял плиту, а я выковыряла из земли гвоздь, который всё-таки вылетел, когда мы ставили тележку на место. Ножка согнулась у самой шляпки. Плита не сорвалась: гвоздь застрял в древесине широкой стороной.

— Сгодится такой под подход? — спросила я.

Ефим повернул его в пальцах. На чёрном железе осталась полоска светлого дерева.

— Какой ответ хочешь?

— Честный.

— Паром весь из хорошего леса не сделан. Ворот меняли четыре раза. Правый край после Григория я латал тем, что у рыбаков нашёл. Рядом под настилом, где ты рукой обычно лежишь, идёт брус ещё с ясеня. В смете всё это один лес. Я бы считал по частям.

Я поискала глазами Варьку. Она в это время сидела на приподнятом колесе и трогала траву ногой. Ефим попросил её слезть и подать верёвку. Она слезла, подала и взяла у него погнутый гвоздь. Носила его на раскрытой ладони, пока мы шли обратно. У причала положила на старый брус. На новый

ворот не положила.

Землемер пришёл с нами. Собрал измерения, скатал лист и сказал, что всё-таки попробует рассчитать более длинный поворот. Прибавится земля. Землю надо покупать. Если мы хотим уговорить оба берега, придётся сперва назвать точную цену.

У меня раньше получалось спорить о цене всего, что можно было погрузить на воз, поставить на воду и перевезти. Я спросила Ефима, сумеет ли он показать, где начинается старый брус и где кончается. Он подхватил с настила гвоздь, сунул Варьке обратно и пообещал принести к вечеру тонкую верёвку. В первый раз за всё утро мне захотелось, чтобы цена у какого-нибудь предмета вообще не стояла в книге. С таким желанием трудно было идти к людям, которым предстояло платить.

Глава 4. Сколько стоит прямое

Лука вывесил расценки на дверях трактира, потому что у наших дверей люди останавливались только затем, чтобы спросить, где искать Луку. К полудню внизу уже приписали цену мешка овса. Чуть выше кто-то просил выдать вместо моста запасную лошадь.

Я нашла первую строку о земле. На коротком подходе значились двор при переправе и две полосы огорода. На длинном, который землемер ещё считал, добавлялась Дарьина сушильня у верхней тропы. В прошлую весну Дарья ушла из дома с детьми, а вернулась с одним кувшином. Теперь она сушила ягоды и посылала их мужу в Сторожку. Там муж торговал ими на развес и уже успел заказать ещё пару весов. Я сама дала ему взаймы маленькую гирьку.

— С неё больше возьмут? — спросила я Луку.

— Ей больше заплатят. Если будут согласны.

— А нас спросят?

Он отцепил от гвоздя лист и поискал внизу примечание. Оно уместилось на загнутом краю: имущество, записанное при дворе переправы, переносилось за счёт общины. Согласие отдельно отмечалось только для частных дворов.

Я забрала карандаш, написала на бумаге имя Дарьи и своё. Прежде чем написать Варькино, остановилась. Глафира полоскала скатерть в кадке. Она посмотрела на нас, перестала

мешать воду.

— И меня пропиши. На моей крыше сегодня пять рубах. При повороте дороги завтра, глядишь, останутся две. Не забудь, что это были чужие рубахи.

Лука записал имя и отступил. На дверь теперь смотрели трое. У одного из ожидающих из рукава торчала крепёжная скоба. Он хотел переправить её на левый берег в обмен на мешок крупы. Тут увидел, что его дорога в чертеже начинается сразу за воротами Глафиры, и попросил показать, сколько там можно будет выгрузить. Мне пришлось объяснить ему, что ворота останутся у Глафиры. Скобу пока лучше везти лодкой. За перевоз возьмут по прежней цене, а на мосту цену ещё никто не придумал.

Дарья пришла к вечеру. У неё были толстые от земли руки. На указательном пальце белела тонкая трещина, в неё забился сушёный лист. Она прочла, что там значилась, и спросила, когда ей дадут выбрать соседний двор.

Перед ней у двери успел побывать лодочник, которого привёл Федька. Никакой письменной ставки он не принёс. У него на лодке было по два пустых крючка с каждого борта. Когда шла рыба, все четыре занимали. В остальные дни цепляли две корзины с покупками и за них не брали ничего. Лодочник хотел знать, куда отнесут эти четыре крючка, если рыбу отвезут по мосту.

Я предложила завести отдельную строку на дежурные выезды. Лодка всё равно будет нужна, когда вода пойдёт по-

верх дороги или на мосту что-нибудь придётся чинить. Лодочник выслушал и попросил назвать число таких дней. Тогда я поняла, что моим дежурством ему предложено жить всю остальную жизнь, а содержать лодку — каждый день. Пришлось вычеркнуть первую цифру, которую успела поставить. Федька стоял за его плечом и молчал. Он тоже раньше не спрашивал, кто платит за крючки, пока они пустуют.

— Дорогу вам никто занимать не запретит, — сказала я ему. — Только нужен счёт, как нам оставить лодку, если она нужна всем сразу.

Лука снял запасной лист и попросил лодочника назвать расходы за обычную неделю. За две недели, сказал он, все успеют забыть мелкие расходы. Федька пожал плечами, но остался, пока мы записывали. К самой последней строке принёс с воза рыбу и положил лодочнику на ладонь как плату за сегодня. По тому, как тот её завернул, я поняла: прежде рыба передавалась на ходу и всегда так. В счёт мы её в конце концов внесли вместе с платой за перевозку.

— Вам предложили соседний?

— Мне предложили дать ответ до воскресенья.

Землемер, оказалось, успел и с нею пройти до кромки воды. Сушильня обходу мешала. Дом стоял дальше, но тропинка между ними попадала под телеги. Дарья не спросила, что намерена делать я. Сняла со стола солонку и поставила на чертёж туда, где дети ходили к реке после ужина.

— Пусть дорогу и ведут. Мне бы вот здесь пройти.

Мы с ней пошли туда сами. Солнце лежало низко, и дорожка шла из тени в тень. В одном месте дети подложили камень, чтобы перешагнуть через грязь. Дарья нагнулась, вынула его из выемки и показала: он сидел мелко. При движении телег никакой камень там долго бы не прожил. Я попросила показать ещё, где она сама идёт с корзиной, когда у сушильни стоит мужу телега.

К концу пути выяснилось, что мы можем обойти Дарьин дом и всё-таки отнять у неё половину доступного двора. Можно сохранить тропу у её стены, но повернуть поздно, как уже показало колесо Ефимовой тележки. На бумаге обоих ещё можно было назвать уступившими без ущерба. Я всё время считала выигрыш тех, кому станет дешевле пройти. Дарья заставила посчитать потери тех, кто остаётся.

Дарья вынула в конце тропы из земли ещё один камень. Опустила обратно и пальцем примяла траву.

— Не торгуйтесь за меня, — сказала она. — Позовёте, когда будут цену назначать.

— Позову. Но сперва я посчитаю, как ногами ходят. И вас позову поправить.

Она ушла с чертежом. Я осталась без бумаги, с карандашом, который затупила о стену, пытаясь отметить высоту склона. Ян нашёл меня там к ужину. Нёс в карманах две варёные картофелины. Свою вынул и положил мне прямо в руку. Я прикусила кожуру, она оказалась горячее, чем я думала.

— Как дорога? — спросил он.

— Пока получается одна телега и двадцать восемь ног.

Он подождал, пока я прожую, и снял с моего рукава сорванный репей. Расправил на колене узкую полоску ленты, которой Ефим привязал плиту к тележке, и предложил перевязать ею камень, чтобы Дарья завтра его нашла. Мы так и сделали. Уходя, я первый раз за день увидела прямую в земле. Она шла дальше, чем люди могли пройти по ней без остановки.

Глава 5. Из какого места

Ефим принёс обещанную верёвку и обмотал ею кормовой брус. Один конец провёл под днищем. За другой велел взяться мне. Варька сидела на береговом камне, подбирала из травы остатки бумаги, на которой Глафира привезла пироги. Ефим позвал её встать рядом с нами, но она показала на колени. Оказалось, собирала бумагу только затем, чтобы под себя положить. Мы оставили её на камне.

Свежие доски прижимались к старому брусу тремя скобами. Между ними дерево почернело от воды, и только слева, где край вытерли обувью, показывалась светлая полоса. Ефим хотел проверить, откуда идёт треск, мешавший нам при швартовке, сдвинул правую сходню и повёл пальцем по ряду заклёпок.

— Здесь? — спросил он.

С берега было слышно, как у молодого рыбака в пустой лодке перекатывается ведро. Ефим передвинул держатель, и треск исчез. Я прислонилась ближе к стойке. С нового настила по-прежнему слышались только шаги. На границе старого бруса и новой доски я разобрала звук, похожий на влажный вздох. Потом стало ясно, что мы стоим вдвоём, а вздох принадлежал не нам.

Я не спросила, кто там. Варька отложила смятую бумагу, подошла и поставила сандалию ровно к той скобе, у которой

я держалась. Почти сразу подняла руку к подбородку, чтобы я не мешала.

— Мне плохо выговаривать, когда вы стоите оба, — сказала Ирма.

Ефим сдвинулся к сходне. Он вытер ладони и упёр их в колени. Я осталась по одну сторону бруса, Варька по другую. Следующие слова мы разобрали так же ясно, как в тот раз, когда Ирма спросила, кто останется.

— Вы слышите нас из этого дерева? — спросила я.

— Когда руки совсем близко, различаю. Остальное будто через мокрую шерсть.

Я показала Ефиму то место, где стояла. Он прилёг у края, провёл ногтем по старой кромке и попросил меня помочь вытащить на сухое место обломок настильной доски. Обломок лежал под рукой с половодья. Его вывернуло, но у нас всё не доходило рук. Цветом он напоминал старый брус. Чем ближе смотрели, тем больше в нём видели тех же тёмных жилок. Ефим пометил обе части мелом. Проверять больше ничего не стал, подал мне обломок и ушёл снимать ведро с лодки.

Я поставила его торцом к брусу. Кромка соприкасалась не вся. Дерево прогрелось, и от прикосновения мне захотелось попросить Ирму повторить, что она слышит. Я не попросила. На соседнем берегу позвонили ручным колоколом, две семьи уже ждали перевозки. У Глафиры на дворе орали дети. С какой бы стороны ни поставили дерево, долго оно в нашем

доме в тишине не пробудет. И в том голосе, который я только что слышала, могло быть собственное желание помолчать.

Я отнесла доску к верхнему сараю. На обратном пути заметила на ней меловую насечку, да ещё такую широкую, что видна издалека. Ефим успел вернуться.

— Пометь, где он лежал, пока ещё помнишь, — сказал он. — Тот, кто будет вынимать брус, должен отличить старое дерево от новых досок.

Мы поставили вторую насечку на верёвке и убрали её к инструментам. Теперь было видно хотя бы, где мы снимали размеры. На самый брус я не села, пока не узнала, хочет ли Варька занять место у скобы.

Варька положила ладонь, потом убрала её. Я спросила, хочет ли она поговорить сама. Она написала на дощечке: «МОГУ». Написала, оставила дощечку у моей ноги и пошла с камня прямо к тракту. Так и не поговорила. Ефим посмотрел ей вслед, но ничего не сказал. Он держал верёвку свободно и ждал, пока она перестанет скрипеть о скобу.

— Что-нибудь изменилось у вас после весны? — спросила я.

— Ты тише ходишь.

— Хожу так же.

Ответ пришёл не сразу.

— Тогда, может, я тише слышу.

Я сняла с верёвки руку. До этого казалось, что если мы разберём, какая доска ей ближе, дальше всё можно рассчи-

тать. Окажется, сколько останется крепкого дерева. Можно будет прибавить к нему новые крепления. Поставить на суше навес. Решать придётся, куда перенести голос.

— А когда вы нас видите? — спросила я.

— Я не вижу твоих скоб.

— Вы видите, где мы стоим?

— Говори ближе. Не каждую вещь мне надо теперь разбирать.

Брус был длиной всего в несколько шагов. Я села у него, положила верёвку на колени и прямо сказала, что мы выясняем. У моста хороший подход, люди хотят возить мешки и детей без лодок. В первой смете на него положили дерево с парома. Пока цену зачеркнули. Когда её снова будут считать, я хочу говорить о каждой части отдельно.

Ирма долго молчала. Ефим на берегу успел выпрямить старый гвоздь о камень и проверить его боком. Потом я услышала:

— Вы его сначала построите, этот мост.

Я возразила: судьбу дерева придётся решить раньше. На этот раз Ирма повторила буквально то же.

— Вы его сначала построите.

Ефим отвёл верёвку от скобы, чтобы она не мешала слышать. Голос всё равно больше не пришёл. Мы сели на берегу. Он показал, сколько брус занимает целиком. На второй конец верёвки приходилась ровно треть Варькиного рисунка. Я унесла к Луке эту мерку, пока деление на трети не стало

делением на дрова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.